

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203566-575>

Исследовательская статья

Кудаева Светлана Григорьевна
д.и.н, профессор, зав. кафедрой истории и права
Майкопский государственный технологический университет, Майкоп, Россия
kaf_isgosp@mkgtu.ru

АДЫГИ (ЧЕРКЕСЫ) СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ В РЕГИОНЕ (20-80 гг. XIX века)

Аннотация. Прошло 160 лет со времени трагических событий, происходивших на Северо-Западном Кавказе, обусловивших современное состояние адыгского (черкесского) этноса. В настоящее время по количественному составу адыгская (черкесская) диаспора в несколько раз превышает проживающих на исторической родине, что, естественно, вызывает множество вопросов. Пожалуй, самым сложным и актуальным продолжает оставаться вопрос о причинах такого состояния этноса. Это обусловило необходимость рассмотрения проблемы адыгской (черкесской) эмиграции в новом ракурсе в широких хронологических рамках, охватывающих период трех русско-турецких войн XIX века (1828–29 гг., 1853–56 гг., 1877–78 гг.). Именно в это время произошли кардинальные изменения в этнолокализации, количественном и этническом составе автохтонного населения Северо-Западного Кавказа. В этой связи интерес представило изучение динамики изменения политической конъюнктуры в регионе в зависимости от исхода этих войн, условий мирных договоров и их влияния на политику государств по отношению к адыгской эмиграции. Такой подход усилит доказательную базу уже имеющихся в российском кавказоведении выводов. Этому способствует использование в качестве конкретно-научной методологической основы принципов научности, историзма и объективности, а также исторических методов исследования – ретроспективного, конкретного анализа. Сделан достаточно аргументированный вывод о том, что, без сомнения, исход русско-турецких войн во многом влиял на состояние политической конъюнктуры, что, в свою очередь, определяло политику государств, противоборствовавших в регионе в отношении миграционных процессов, в ходе которых полностью была изменена этнолокализация адыгского этноса.

Ключевые слова. Российская империя; Османская империя; войны; политическая конъюнктура; Кавказская война; адыги (черкесы); переселение; миграционные процессы

Для цитирования: Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в контексте трансформации политической конъюнктуры в регионе (20-80 гг. XIX века)// История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 3. С. 566-575. doi.org/10.32653/CH203566-575

© Кудаева С.Г., 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203566-575>

Research paper

Svetlana G. Kudaeva,
Dr. Sci., Prof., Head of Dep. of History and Law
Maikop State Technological University, Maikop, Russia
kaf_isgosp@mkgtu.ru

ADYGHE OF THE NORTHWEST CAUCASUS AMID REGIONAL POLITICAL SHIFTS (1820-1880)

Abstract. One hundred and sixty years have passed since the tragic events in the Northwest Caucasus that shaped the current state of the Adyghe (Circassian) ethnic group. Today, the Adyghe diaspora far exceeds the population remaining in their historical homeland, raising numerous questions. The most pressing of these concerns is the underlying causes behind this demographic shift. This study examines Adyghe emigration from a new perspective, spanning the three Russian-Turkish wars of the 19th century (1828-29, 1853-56, 1877-78). During this period, fundamental changes occurred in the ethno-localization, quantitative, and ethnic composition of the autochthonous population of the North-West Caucasus. This research focuses on how the political dynamics altered depending on the outcomes of these wars, the terms of peace treaties, and their impact on state policies regarding Adyghe emigration. This approach aims to reinforce the evidence base of existing conclusions in Russian Caucasian studies. The study employs principles of scientificity, historicism, and objectivity as its methodological foundation, alongside historical research methods such as retrospective analysis and specific analysis. It concludes that the outcomes of the Russian-Turkish wars significantly influenced the political landscape, driving state policies that altered the migration processes and fundamentally changed the ethno-localization of the Adyghe ethnic group.

Keywords: Russian Empire; Ottoman Empire; political situation; Caucasian War; Adyghe (Circassians); migration processes

For citation: S.G. Kudaeva. Adyghe of the Northwest Caucasus amid regional political shifts (1820-1880). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. No 3. P. 566-575. doi. org/10.32653/CH203566-575

Введение

События, происходившие на Северо-Западном Кавказе в XIX в., кардинально изменили этнополитическую ситуацию региона. Автохтонное население с эндоэтнонимом адыги и экзоэтнонимом черкесы вынуждено было покинуть свою историческую родину и переселиться в пределы Османской империи. По своим масштабам и последствиям адыгская (черкесская) эмиграция не имеет аналогов в мировой истории. Естественно, что изучение этой проблемы находится в центре внимания не только российских кавказоведов, но и зарубежных.

За последние годы учеными проделана огромная работа по изучению разных аспектов этой весьма сложной проблемы. Авторами введен в научный оборот обширный круг источников не только российских архивов, но и турецких, что позволило отойти от прежних стереотипов и прийти к значимым выводам, существенно пополнившим российское кавказоведение по проблемам Кавказской войны.

Но даже в контексте такого достаточно высоконаучного уровня сложившейся историографической ситуации, проблема причин массовой эмиграции адыгов (черкесов) в пределы Османской империи продолжает носить дискуссионный характер и не теряет своей актуальности. И это естественно, т.к. логика осмысления масштабных исторических явлений непременно должна выстраиваться в строгой логической последовательности, начиная с причин, характера развития и последствий. Именно такой подход, несмотря на, казалось бы, достаточно высокий уровень проработанности, продолжает сохранять настоятельную необходимость изучения данной проблемы с учетом всех факторов, которые могут дополнить уже имеющиеся выводы и усилить их доказательную базу.

Именно это обусловило попытку изучения вопроса несколько в новом ракурсе в широких хронологических рамках, охватывающих три русско-турецкие войны. Такой подход позволит в динамике отследить изменения политической конъюнктуры в регионе в зависимости от условий мирных договоров, которыми заканчивались войны во взаимосвязи и взаимообусловленности с миграционными процессами и складывающейся этнополитической ситуацией. Полученные выводы могут дополнить уже имеющиеся наработки и послужат существенным пополнением в весьма сложный процесс формирования научной концепции Кавказской войны.

Предлагаемая нами постановка проблемы обоснована тем, что чаще всего, именно войны являются средством осуществления внешней политики и разрешения международных противоречий и споров. Любая война заканчивается мирным договором, в основном удовлетворяющим желания победившей стороны. В своей известной работе «О войне» Карл фон Клаузевиц отмечал, что война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить свою волю [1]. Т.е. война – это продолжение политики насильственными средствами. Войну объявляют не народы, а государства, но народы автоматически, напрямую или косвенно, вовлекаются в конфликт и, чаще всего, оказываются жертвами. Это подтверждается и итогом событий, происходивших на Северо-Западном Кавказе в XIX в.

Материалы и методы

В данном контексте особый интерес представляет вопрос о причинах, обусловивших массовую миграцию автохтонного населения региона в пределы Османского государства. Объективное изучение обозначенной проблемы потребовало тщательной проработки уже имеющихся в российском и зарубежном кавказоведении выводов и обобщений.

Начиная с последней четверти XX в. существенно повышается разработанность вопросов теории и методологии, формируются новые исследовательские подходы, что в значительной степени повлияло на уровень осмысления и интерпретации исторических фактов, повысило научную значимость выводов и их аргументацию. Появляются работы, посвященные изучению разных аспектов Кавказской войны, которые отличает глубоко научный подход в трактовке исторических и этнологических фактов, опирающийся на солидную источниковую базу.

Назовем некоторых из них, которые имеют непосредственное отношение к исследуемой проблеме и внесли значимый вклад в изучение проблем Кавказской войны. Это российские кавказоведы, а также представители адыгского зарубежья – Г.А. Дзидзария, Сафер Бэрзедж, Нихад Бэрзедж, А.Х. Бижев, А.В. Кушхабиев, С.Г. Кудаева и др. [2–9].

Монография Г.А. Дзидзари и по настоящее время остается одной из самых солидных специальных работ по проблемам кавказского *махаджирства*. Наряду с историей абхазского народа автор затрагивает достаточно широкий круг вопросов, касающихся непосредственно адыгской истории и их эмиграции. В работе имеется описание этапов переселения и, что очень важно, отслеживается их связь с наиболее значимыми внутренними и международными событиями [2].

Особую значимость имеют работы историков – представителей адыгского (черкесского) зарубежья. Их ценность заключается в том, что авторами вводится в научный оборот богатейший фактологический материал из турецких архивов.

Важное место занимает работа Нихада Бэрзэджа, которая содержит ценную информацию, подтверждающую планы османского правительства по привлечению адыгов (черкесов) к решению внутренних проблем государства. В произошедшей трагедии он в равной степени обвиняет как российское, так и османское правительства [5].

Сафер Бэрзэдж в своей статье, опираясь на обширный архивный материал, приводит важные факты об участии адыгов (черкесов) в военных действиях в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это еще раз подтверждает намерения османского правительства по извлечению максимальной пользы от переселенцев, используя все их навыки, полученные ими на родине. Более того, эти работы дают четкое представление об изменении планов османского правительства по использованию переселенцев в зависимости от изменения международной ситуации и напрямую связанной с ней политической конъюнктуры в регионе [3].

А.Х. Бижев, характеризуя внутри- и внешнеполитическое положение Черкесии в 20–30-х гг. XIX в., приходит к выводу, что «царское правительство по своей сути не представляло других методов обеспечения своих интересов на Северо-Западном Кавказе и Причерноморье, кроме как военными действиями и сопутствующими им грабежами и уничтожением коренного населения» [4, с. 324].

Наиболее полная информация о судьбе адыгов (черкесов) в странах их нового проживания представлена в монографиях А.В. Кушхабиева. Примечательно то, что автор в динамике прослеживает изменения в социально-экономическом и политическом положении адыгов (черкесов) в периоды мандатного правления и независимости в Сирии и Иордании. Значительное место отводится освещению планов османского правительства по их использованию [6; 7; 8].

Автор этих строк также предприняла попытку выделить главные критерии, характерные для любого этноса, т.е. его инвариантные компоненты и адаптировать их к адыгскому этносу. Это позволило прийти к достаточно убедительным выводам, что адыги (черкесы) представляли стабильный, устойчивый этнос, и внутренних причин для исхода народа в пределы другого государства не было. Такой вывод подтверждает необходимость и актуальность исследования всех аспектов внешнеполитических процессов, происходивших в регионе, которые могли оказать влияние на миграционные процессы как на Северо-Западном Кавказе, так и в Османской империи [9].

Специфика изучаемой проблемы потребовала привлечение разнообразных по информативности исторических и историографических источников. Выделим наиболее существенные по значимости информации.

Важное место занимают документальные материалы в виде указов и рескриптов царя. Именно по документам такого уровня, адресованным высокопоставленным военачальникам, можно судить об изменениях в политической конъюнктуре региона и тактике ведения войны. Договоры, которые подписывали воюющие стороны после окончания войн, явно свидетельствуют о том, что именно победившая сторона диктовала свои условия [10].

В контексте поставленной проблемы это очень важно, т.к. только опираясь на эти материалы можно проследить их взаимосвязь и взаимообусловленность с трансформацией политической конъюнктуры в регионе и ее влияние на этнополитическую ситуацию.

Небольшую, но весомую часть, в смысле усиления доказательной базы, занимает картографический материал. Для данного исследования интерес представила карта Черкесии лейтенанта Боудишера и генерала А.И. Хатова [11, с. 90–91].

Представленная в статье карта составлена В.П. Пядышевым и отражает детальное картографирование военных картографов первой четверти XIX в. Карта была опубликована до подписания Адрианопольского договора и является подтверждением того, что Черкесия имела статус свободной страны.

Информативная насыщенность использованных источников и литературы послужили достаточной основой для исследования поставленной проблемы. Конкретно-научную часть методологической основы составили принципы научности, историзма, объективности. Использовались также исторические методы исследования – ретроспективный, конкретного анализа.

Уровень разработанности вопросов методологии позволили систематизировать материал и прийти к достаточно аргументированным выводам.

Обсуждение и результаты

К началу века этническая структура региона уже сформировалась. По количественному составу преобладающее положение занимало автохтонное население – адыги (черкесы). На географических картах и портуланах известных картографов более раннего периода территория, занимаемая адыгами, обозначалась как Черкесия и простиралась на огромной территории восточного берега Черного моря – от устья Кубани до Абхазии [12, с. 31–32].

Геополитическое положение Черкесии во многом повлияло на ход дальнейших событий. На данном этапе главной целью царского правительства во внешней политике было утверждение полного господства во всем кавказском регионе. Сохранить уже завоеванные позиции в Закавказье Россия могла, лишь овладев Восточным Кавказом и Черкесией. Кроме того, развивающаяся промышленность в условиях нарастающего внутривосточного и экономического кризиса, связанного с тем, что крепостнический строй уже изживал себя, требовала расширения рынков сбыта и источников сырья, а важные торговые пути, ведущие в Иран и Азиатскую Турцию, проходили именно через Кавказ [2, с. 39–40].

Османская империя также стремилась сохранить свои позиции на Северо-Западном Кавказе, чтобы противодействовать продвижению России в регион. Этим во многом обусловлено то, что главными державами, противоборствующими в регионе, стали Российская и Османская империи. Итог этого противоборства во многом зависел от исхода русско-турецких войн и изменений политической конъюнктуры, напрямую связанной с условиями, на которых подписывались мирные договоры.

Рубежным событием, положившим начало трансформационным процессам в политической ситуации на Северо-Западном Кавказе, стало подписание Адрианопольского договора, завершившего русско-турецкую войну 1828–1829 гг. [10]. Пожалуй, самым большим успехом российской дипломатии этого периода стало включение в договор четвертой статьи, согласно которой к России отходил весь восточный берег Черного моря от устья Кубани до Абхазского побережья (пристани Шекветили или св. Николая). Казалось, что стремление России получить юридическое основание на овладение этой территорией осуществилось, однако сложность ситуации заключалась в том, что османское правительство уступало российской территории, которой само не владело.

Убедительным подтверждением тому, что Черкесия была независимой страной является «Генеральная карта земель между Черным и Каспийским морями лежащих» 1819 г. (Рис. 1) главного русского картографа, генерала А.И. Хатова и лейтенанта Боудишера, опубликованная в 1825 году. Черкесия на ней отмечена как независимая страна

Сложившуюся ситуацию очень четко охарактеризовал Э. Спенсер: «То, что даже сама Россия признала независимость Черкесии, бесспорно видно на картах лейтенанта Боудишера и генерала А.И. Хатова, опубликованных в Санкт-Петербурге до Адрианопольского договора по приказу правительства, где мы видим, что часть Кавказа, населенная черкесскими племенами, отчетливо отмечена как независимая и не образует какой-либо части Оттоманской империи. Тем не менее, перед лицом всего этого русское правительство упорствует в обосновании своих претензий на Черкесию по Адрианопольскому миру, утверждая, что Черкесия, подобно Крымской Татарии, была в течение веков феодалом Турецкой империи» [13, с. 130]. Т.е. со стороны российского правительства это была хорошо продуманная политическая хитрость. Российскому правительству необходимо было показать, что она завоевывает эти территории на законных основаниях.

Но ситуация для России усугублялась еще и тем, что сами адыги не присутствовали при подписании договора и не желали признать условия четвертой статьи договора. Установить свою юрисдикцию на этой территории царское правительство могло только военным путем, и оно не было намерено отсту-

пать от своей цели. Это подтверждается рескриптом Николая I, адресованным графу И.Ф. Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же главное, а в рассуждении прямых польз важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [14, с. 229–230]. Весьма примечательно, что это предписание было обращено именно к генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, который был в этот период одним из самых высокопоставленных военачальников. Главный биограф князя, генерал от инфантерии М.М. Щербатов весьма четко охарактеризовал его роль и статус в государственных делах «...вскоре после воцарения Николая I, князь Варшавский, по значению своему в государстве, в среде русских поданных не имел себе равного» [14, с. 33]. Т.е., исполнение предписания было возложено, можно считать, на главное доверенное военное лицо в государстве на тот момент.

Условия четвертой статьи Адрианопольского договора обеспечивали легитимность военным действиям со стороны России по завоеванию Северо-Западного Кавказа. Отныне это трактовалось как законное овладение территориями, отошедшими под юрисдикцию России, что давало право завоевания края сугубо военными методами.

Военные действия 30–40-х гг. XIX в. со стороны российской империи стали причиной первых волн эмиграции адыгов в Османскую империю. Адыги поселились в Азиатской Турции – в Трапезунде, Самсуне, Синопе и т.д. [2, с. 68]. На территории между Лабой и Кубанью было устроено 15 станиц [15, с. 1–6; 16, с. 86].

Обострение межгосударственных противоречий 50-х гг. XIX в. выливается в Крымскую войну. Проблема влияния на Кавказе продолжает находиться в центре внимания государств, противоборствующих в регионе. Российское правительство даже в состоянии войны озабочено проблемой завоевания Северо-Западного Кавказа.

Россия потерпела поражение в Крымской кампании. В Париже 18 марта 1856 г. был подписан мирный договор. Перед российским правительством стояла сложная задача окончания затянувшейся и дорогостоящей войны на Северо-Западном Кавказе. Все военные силы, воевавшие с Османской империей, были задержаны на Кавказе. Главнокомандующим армией с 1856 г. был назначен генерал от инфантерии князь А.Н. Барятинский.

Во Владикавказе А.Н. Барятинский лично встречается с генералами царской армии Д.А. Милютиным, Г.И. Филипсоном, Н.И. Евдокимовым и помощником начальника Кубанской области князем Д.И. Мирским. На этой встрече российское военное командование должно было «подробно обсудить положение дел в Закубанском крае по окончательному установлению плана действий и определения потребности средств». К этому времени граф Н.И. Евдокимов уже успел проявить себя на Восточном Кавказе и был известен своей решительностью в достижении цели, и никакие возражения генералов Д.А. Милютина и Г.И. Филипсона не могли изменить предложенный Н.И. Евдокимовым план [17, с. 351–352]. Самым оптимальным решением проблемы отныне считалась полная замена автохтонного населения на казачье [18, с. 76].

Предложенный план кардинально менял тактику ведения войны. Не просто завоевать территорию, а сразу же заселять ее казачьими станицами. Т.е. нужна земля, но без коренного населения. Главным условием, поставленным адыгам, было переселение на равнину или в Османскую империю. И решение это было окончательным и бесповоротным. А на последнем этапе войны не принималась даже их покорность, только переселение в Турцию.

Подтверждением серьезности и решительности царского правительства и военного руководства в достижении поставленной цели стал тот огромный, по тем меркам, военный арсенал, который был предоставлен для осуществления поставленной цели.

К 1861 г. вся территория между Белой и Лабой была переустроена для быстрой реализации поставленной задачи. Вся российская армия была разделена на пять специализированных отрядов – Абадзехский, Верхне-Абадзехский, Мало-Лабинский, Верхне-Лабинский и Шапсутский. Каждый из них был скомпонован из 20 батальонов, 6 эскадронов, 30 сотен, 14 батарей, 18 легких и 12 конных орудий, 20 ракетных станков и 250 транспортных повозок. Обустройством станиц занимался специально организованный отряд¹. Такой военной мощи, таким «сильным приемам» адыги, естественно, не могли противостоять.

1. ГАКК. Ф. 347. Штаб начальника Лабинской кордонной линии. Оп. 2. Д. 45. Л. 1–7.

Жесткие и решительные способы ведения войны на этом этапе и обусловили массовое переселение адыгов (черкесов) в пределы Османского государства, практически их исход. От более чем полутора-миллионного населения к окончанию последнего акта войны на завоеванной территории адыгов оставалось около 100 тысяч человек [16, с. 121]², а через 10 лет их было уже 60 тысяч [19, с. 568–569] и они не могли оставаться на местах своего прежнего проживания, а должны были переселиться по указанию правительства. К концу XIX в. в Кубанской области было основано 176 станиц [16, с. 121]³. А к началу XX в. адыгское население составляло всего 5,5% от всего народонаселения региона⁴.

Описывая события последнего этапа войны, военный географ, генерал-майор М.И. Венюков отмечал, что «совершавшееся по плану Евдокимова, оно выглядело совершенно иначе, чем все прежние покорения кавказских племен. Если в ходе прежних завоеваний среди непокорных земель строились крепости, как опорные пункты для военных действий, но вокруг них нередко в ближайшем соседстве оставалось население, готовое к восстанию» [20, с. 197; 16, с. 197], то в ходе завоевания Западного Кавказа Евдокимов предпринял совсем иной способ действий. Было решено полностью заменить население Западного Кавказа русским. Это произошло в течение пяти лет, с 1861 по 1865 гг.

История адыгского народа не может быть полноценной без включения в нее сведений о той его части, которая волей судьбы оказалась за пределами своей исторической родины. Османское правительство, принимая переселенцев в таком количестве, естественно, намеревалось использовать их для решения своих внутрисударственных проблем. Прежде всего, адыги должны были пополнить мусульманское население христианских регионов империи и принять активное участие в подавлении национально-освободительного движения народов этих стран, а позже и в арабских регионах империи.

Став гражданами османского государства, адыги не могли не исполнить волю своего нового правительства. Они были поселены главным образом на Балканском полуострове среди болгарского населения. Адыги оправдали надежды османского правительства, исполнив роль буфера между мусульманским и христианским населением [21, с. 345, 535]. Однако российское правительство было весьма обеспокоено политикой Порты по отношению к христианским народам Балканских стран. В 1876 г. у России появился повод официально заявить о своем требовании переселить адыгов с Балкан в азиатские регионы империи. Участие адыгов в подавлении антитурецкого восстания в Филиппопольском санджаке, в ходе которого было убито 15 тысяч человек [22, с. 132], вызвало недовольство российского правительства, которое постоянно поддерживало христианское население Османской империи. Требование России обсуждалось на конференции в Стамбуле в декабре 1876 г. [23, с. 28; 24, с. 549–552].

Но кардинально повлиять на эту ситуацию российское правительство смогло только с изменением политической ситуации в регионе, обусловленной очередной русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Россия вновь одержала победу, что давало ей право диктовать свои условия. При подписании мирного договора в Сан-Стефано (3 марта 1878 г.) и Берлинского трактата (13 июня 1878 г.). Российская сторона настоятельно потребовала включение пункта о выселении черкесов с Балкан и переселении подальше от русско-турецкой границы [25, с. 190]⁵. На очередной конференции представителей европейских держав, проходившей в ноябре 1878 г. в Филиппополе, было принято решение о запрете их возвращения на Балканы⁶.

Потерпев поражение в войне, правительство Порты вынуждено было выполнить главное требование России. Для адыгов (черкесов) вновь началось переселение, теперь с Балкан в другие регионы империи, причем подальше от русско-турецких границ. Поселяться они могли только в тех местах, которые укажет турецкое правительство. Это были в основном страны Ближнего Востока и внутренние регионы Азиатской Турции. Такая политика расселения адыгов была обусловлена намерением османского правительства решить свои политические и экономические проблемы. Интересы и желания адыгов совершенно не учитывались.

2. РГВИА. Ф. 400. Азиатская часть. Оп. 263 / 916а. Д. 1. Л. 175–176.

3. Там же.

4. Там же.

5. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Трактаты. Оп. 466. Д. 1414. Л. 1691.

6. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517 (2). Д. 3290. Л. 5.

Выводы

Очевидно, что межгосударственные противоречия, накопившиеся к XIX в., вылились в три русско-турецкие войны. Геополитическое положение Черкесии во многом обусловило его роль эпицентра «большой политики». Судьба автохтонного населения была определена в ходе противостояния империй.

Естественно, условия мирных договоров, которыми заканчивались русско-турецкие войны рассматриваемого периода, существенно влияли на политическую конъюнктуру региона, что во многом определяло политику государств, противоборствовавших в регионе и оказывало существенное влияние на тактику поведения держав, особенно по отношению к автохтонному населению Северо-Западного Кавказа. В итоге этнополитическое состояние Северо-Западного Кавказа и Османской империи претерпело существенные изменения.

Четвертая статья Адрианопольского договора предоставила российскому правительству юридическое основание на обладание территорией Северо-Западного Кавказа, что позволило высшему военному руководству страны кардинально изменить способы ведения войны. Военные действия со стороны России приобретали отныне легальный статус. Главным средством была признана военная колонизация. Однако, на этом этапе достичь поставленной цели российскому правительству не удалось. Противостояние адыгов растянуло решение этой проблемы вплоть до 1864 г. И только после кардинального изменения тактики ведения войны с 1860 г., связанной со значительной эскалацией военных действий, удалось реализовать план, предложенный генералом Н.И. Евдокимовым.

Османское правительство имело достаточно четко разработанные планы использования военного и хозяйственного опыта адыгов с целью сохранения целостности империи в малоосвоенных регионах. Осуществлению этих намерений во многом способствовали значительные изменения в расстановке сил на международной арене после окончания очередной русско-турецкой войны.

Условия Сан-Стефанского договора (3 марта 1878 г.) и Берлинского трактата (13 июня 1878 г.) ставили Россию в приоритетное положение как победившую сторону, что давало ей возможность в категорической форме диктовать свои условия. В сложившейся ситуации адыги (черкесы), став гражданами другого государства, не могли не исполнить волю своего нового правительства.

Нарастающее национально-освободительное движение народов Балкан, настойчивость российского правительства в требовании переселения адыгов с Балкан в другие регионы империи обусловили новую волну переселения. И вновь они могли поселиться только в тех местах, которые укажет османское правительство.

Очевидно, что правительство османской империи, принимая в таком количестве переселенцев, намерено было максимально использовать их для решения своих внутривосточных и экономических проблем. При этом оно менее всего было озабочено проблемой сохранения этнической целостности мигрантов.

Главный трагический итог этих событий заключается в том, что этнолокализация адыгского этноса была кардинально изменена. Большая часть адыгов, оказавшаяся в Османской империи, была искусственно расчленена по различным регионам. Оставшиеся на своей исторической родине также были вынуждены поменять место своего прежнего проживания.

Рис. 1. Генеральная карта Кавказской области и земель горских народов. Сочинена по новейшим и достоверным сведениям в С.-Петербурге 1825 года. (Источником для рассматриваемой карты стала карта главного картографа Российской империи А. И. Хатова «Генеральная карта земель между Черным и Каспийским морями лежащих», появившаяся в 1819 г.)

Fig. 1. General map of the Caucasian Province and the lands of the mountain peoples, drawn based on the newest and most reliable sources in St. Petersburg in 1825. (The source for the map in question was the map of the chief cartographer of the Russian Empire A. I. Khatov, "General map of the lands lying between the Black and Caspian seas," which appeared in 1819)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клаузевиц К. О войне [Электронный ресурс]. М.: Госвоениздат, 1934. Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/karl-fon-klauzevic/o-voynе-chasti-1-4-5311250/chitat-onlayn/>
2. Дзидзария А.Г. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.
3. Berzeg Safer. 1877–1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzev Kafkaya ve Sürgündeki Kafkasyalılar // Kafkasya Gersedi. Samsun, 1990, № 1.
4. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х начале 30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994.
5. Бэрзэддж Н. Изгнание черкесов. Амман, 1987.
6. Кушхабиев А.В. Черкесы в Сирии. Нальчик, 1993.
7. Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). Нальчик, 1997.
8. Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик, 2007.
9. Кудаяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества» (Изд. второе, доп. и перераб.). Майкоп, 2014.
10. Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. № 3128. 1829. СПб., 1830.
11. Черкесия в картах XIV–XIX веков. Составители: Б. Езбек (Едыдж), Х.М. Дауров, А.В. Джамирзе, С.Х. Хотко. Краснодар, 2011.
12. Бетрозов Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991.
13. Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию. Майкоп: Адыгея, 1994. 130 с.
14. Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. Т. II. СПб., 1896. С. 229–230.
15. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации: в 1841, 1860 и 1863 гг. // Записка императорского Русского общества. СПб., 1864. Кн. 1. С. 1–6.
16. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX вв.): сб. документов и материалов / Сост. Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.Д. Шабаяев. Нальчик, 2000.
17. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. Т. II. М., 1890.
18. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание кавказской войны. Майкоп, 1993.
19. Фелицын Е. Статистические народонаселения в Кубанской области за 7 лет, с 1871–1877 гг. // Сборники сведений о Кавказе. Т. 2. Тифлис, 1880.
20. Веньюков М.И. Исторические новости // Вестник Европы. 1890. № 6. С. 750–752
21. Канитц Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические путевые наблюдения 1860–1875 гг. СПб., 1876.
22. Авакян А.Г. Черкесский фактор в Османской империи и Турции (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). Ереван, 2001.
23. История дипломатии. Т. 2. М., 1945.
24. Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1961. Т. I. С. 549–552.
25. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М., 1952.

Поступила в редакцию 22.08.2024 г.
 Принята в печать 30.08.2024 г.
 Опубликована 15.09.2024 г.

REFERENCES

1. Clausewitz K. *On War*. Moscow: Gosvoenizdat, 1934. Available at: <https://www.litres.ru/book/karl-fon-klauzevic/o-voynе-chasti-1-4-5311250/chitat-onlayn/>
2. Dzidzaria A.G. *Muhajirstvo and Problems of the History of Abkhazia of the XIX century*. Sukhumi, 1975. (In Russ)
3. Berzeg Safer. 1877–1878 Osmanli-Rusya Savasinda Kuzev Kafkaya ve Sürgündeki Kafkasyalılar. *Kafkasya Gersedi*. Samsun, 1990, No. 1. (In Turk)
4. Bizhev AKh. *Adyghe of the Northwest Caucasus and the Crisis of the Eastern Question in the Late 1920s and Early 1930s*. Maikop, 1994. (In Russ)
5. Berzedzh N. *The Expulsion of the Circassians*. Amman, 1987.
6. Kushkhabiyev AV. *Circassians in Syria*. Nalchik, 1993.
7. Kushkhabiyev AV. *Circassian Diaspora in Arab Countries (19th–20th Centuries)*. Nalchik, 1997. (In Russ)
8. Kushkhabiyev AV. *Essays on the History of the Foreign Circassian Diaspora*. Nalchik, 2007.
9. Kudayeva SG. *Adyghe (Circassians) of the Northwest Caucasus in the 19th Century: Processes of Transformation and Differentiation of the Adyghe Society (2nd ed., supplemented and revised)*. Maykop, 2014. (In Russ)
10. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Vol. IV. No. 3128. 1829. St. Petersburg, 1830. (In Russ)
11. *Circassia in Maps of the 14th–19th Centuries*. Authors: B. Ezbek (Edydz), H.M. Daurov, A.V. Dzhamirze, S.Kh. Krasnodar, 2011. (In Russ)
12. Betrozov R. *Origin and Ethnocultural Ties of the Adyghe*. Nalchik, 1991. (In Russ)
13. Spencer Ed. *Travels to Circassia*. Maykop: Adygea, 1994. (In Russ)
14. Scherbatov AP. *Field Marshal Count Paskevich-Erivan-sky*. Vol. II. Saint-Petersburg, 1896: 229–230. (In Russ)
15. The population of the Northwest Caucasus in three periods of its colonization: in 1841, 1860 and 1863. *Notes of the Imperial Russian Society*. Saint-Petersburg, 1864. Book 1: 1–6. (In Russ)
16. *The tragic consequences of the Caucasian War for the Adyghe (second half of the 19th – early 20th centuries): collection of documents and materials*. Comp. R.Kh. Gugov, Kh.A. Kasumov, D.D. Shabaev. Nalchik, 2000. (In Russ)
17. Zisserman AL. *Field Marshal Prince A.I. Baryatinsky*. Vol. II. Moscow, 1890. (In Russ)
18. Esadze S. *The Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War*. Maikop, 1993. (In Russ)
19. Felitsyn E. Statistical population in the Kuban region for 7 years, from 1871–1877. *Collection of Information about the Caucasus*. Vol. 2. Tiflis, 1880. (In Russ)
20. Venyukov MI. Historical news. *Bulletin of Europe*. 1890; 6: 750–752. (In Russ)
21. Kanitz F. *Danube Bulgaria and the Balkan Peninsula. Historical, Geographical and Ethnographic Travel Observations 1860–1875*. Saint-Petersburg, 1876. (In Russ)
22. Avakyan AG. *Circassian Factor in the Ottoman Empire and Turkey (Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Century)*. Yerevan, 2001. (In Russ)
23. *History of Diplomacy*. Vol. 2. Moscow, 1945. (In Russ)
24. *Liberation of Bulgaria from the Turkish Yoke*. Moscow, 1961. Vol. I: 549–552. (In Russ)
25. *Collection of Treaties of Russia with Other States 1856–1917*. Moscow, 1952. (In Russ)

Received 22.08.2024
 Accepted 30.08.2024
 Published 15.09.2024